

Институт славяноведения РАН
Центр славяно-германских исследований

ВЛАСТЬ И ОБРАЗ

Очерки потестарной имагологии

Ответственные редакторы
М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2010

УДК 321.01
ББК 87.7
В58

Материалы сборника подготовлены при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект 04-01-00277а)

Ответственные редакторы: *М. А. Бойцов, Ф. Б. Успенский*

Редакционная коллегия:

А. Ф. Литвина, С. М. Михеев, О. И. Тогоева

Рецензенты:

А. П. Черных, Р. М. Шукуров

В58 Власть и образ: очерки потестарной имагологии / отв. ред.
М. А. Бойцов, Ф. Б. Успенский. — СПб. : Алетейя, 2010. — 384 с.
ISBN 978-5-91419-366-6

В сборник включены исследования, выполненные сотрудниками ряда академических институтов и ведущих университетов в рамках потестарной имагологии — новой отрасли исторического знания, изучающей, какие системы образов участвуют в установлении отношений господства и подчинения, в приобретении и удержании власти, в выстраивании связей между различными группами элит, с одной стороны, и между господствующими и подвластными слоями общества, с другой. Авторы сборника прослеживают возникновение и судьбу целого ряда потестарных образов (представленных чаще всего в мифе, тексте, архитектурной конструкции, изображении и ритуале) в культурах прошлого — от Античности до эпохи Великой Французской революции. Конкретные примеры, разбираемые в отдельных статьях, относятся к истории России, а также Древнего Рима, Византии, ряда стран Западной Европы и Америки.

Сборник рассчитан на историков, культурологов, политологов, а также всех, интересующихся прошлым.

УДК 321.01
ББК 87.7

ISBN 978-5-91419-366-6

9 785914 193666

© Коллектив авторов, 2010
© Институт славяноведения, 2010
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2010
© «Алетейя. Историческая книга», 2010

ЧТО ТАКОЕ ПОТЕСТАРНАЯ ИМАГОЛОГИЯ?

Прежде всего несколько слов о терминологии. Слово «имагология» появилось на страницах академических, в первую очередь социологических, изданий, еще в 20-х гг. XX в.¹ Однако широкое распространение оно получило лишь с середины 50-х годов, притом благодаря уже не столько социологам, сколько филологам, увлекшимся тогда (как, впрочем, увлекающимся и сейчас) исследованиями на темы вроде «Образ англичанина во французской художественной литературе». Отсюда пошло одно из направлений сравнительного литературоведения — *компаративная имагология*, — сложившееся раньше всего во Франции, но затем распространившееся и на другие страны Европы и Америки.

Такая имагология быстро переросла рамки литературоведения, превратившись в самостоятельную дисциплину, изучающую, как в одной культуре складываются и развиваются образы других культур (стран, народов). В нашей стране первыми яркими работами такого плана стали, пожалуй, книги А. Б. Давидсона и В. А. Макрушина «Образ далекой страны» М., 1975 (об Африке) и Н. Е. Ерофеева «Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских 1825–1853», М., 1982². Одновременно имагология, понимаемая как знание о национальных образах и этнических стереотипах, а также их влиянии на общество, закрепились в этнологии и ряде смежных с ней дисциплин. Впрочем, и в филологии продолжали время от времени рождаться все новые трактовки «имагологии»: этим словом иногда называют учение о возможности передачи литературных образов при переводе с одного языка на другой, а отдельная *лингвистическая имагология* призвана изучать стереотипы, с ко-

¹ Считается, что термин введен в оборот в книге: *Lippmann W. Public Opinion*. Л., 1922.

² Из других работ сходного содержания см., например: *Данциг Б. М.* Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). М., 1973; *Африка глазами наших соотечественников*. М., 1974; *Давидсон А. Б., Макрушин В. А.* Зов далеких морей. М., 1979; *Сирия, Ливан и Палестина в описаниях русских путешественников, консульских и военных обзоров первой пол. XIX в.* М., 1991; *Россия первой половины XIX века глазами иностранцев*. Л., 1991; *Болховитинов Н. Н.* Россия открывает Америку (1732–1799). М., 1991; *Рождественская М. В.* Образ Святой Земли в древнерусской литературе // Иерусалим в русской культуре. М., 1994; *Раба Й.* Специфика древнерусских описаний Святой Земли // Славяне и их соседи. Вып. 5. М., 1994; *Образ России в мировой культуре и образы других стран. XIX–XX вв.* М., 1998 и др.

торыми носители одного языка относятся к другому языку или же к «чужим» формам языка собственного.

Что касается истории, то здесь самый заметный сдвиг в имагологической проблематике за последние десятилетия состоял, похоже, в переходе от *описания отдельных* образов «чужих» (по типу «китайцы глазами русских в XIX в.», «русские глазами китайцев в XIX в.») к рассмотрению каждого подходящего случая через призму *общей проблемы* «образа Чужого» — эта перемена естественно вытекала из проблематики и подходов исторической антропологии³. Многочисленные исследования, уже проведенные в рамках изучения «Чужого», очертили определенный сегмент интеллектуального поля, которому специалисты дали собственное название *аллологии*⁴.

За пределами академических трудов сложились свои, особые, трактовки слова «имагология». Одна из самых распространенных восходит, возможно, к писателю Милану Кундере⁵. В «кундеровском» понимании имагология оказывается теорией и практикой сотворения «кажимостей», создания вымышленной реальности, которая при всей своей искусственности в состоянии затмевать реальность подлинную — «материк все менее и менее посещаемый» современным человеком «и, кстати, заслуженно нелюбимый». Вполне закономерно, что в публицистике слово «имагология» применяют для неодобрительной оценки информационной политики властей, прежде всего в области телевидения. Это не мешает самим работникам масс-медиа тоже пользоваться словом «имагология» для описа-

³ Из публикаций на русском языке можно назвать, например: Одиссей. Человек в истории: образ «другого» в культуре. М., 1993; Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья / Под ред. Р.М. Шукурова. М., 1999; *Лучицкая С.И.* Образ другого: мусульмане в хрониках Крестовых походов. СПб., 2001. Из библиографического аппарата к этим книгам можно получить некоторое представление о широком круге западных работ на темы «чужого» и его восприятия. См. также исследование на совершенно ином материале: Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999. Есть, однако, большое число работ, в которых историку приходится так сказать стихийно, без особой методологической рефлексии сталкиваться с проблемами имагологии и решать их хотя бы на эмпирическом уровне. Достаточно вспомнить о специфике использования такого источника, как записки иностранцев о чужих для них краях.

⁴ Еще ранее проблему «Чужого» активно обсуждали писатели-фантасты, разбиравшие всевозможные варианты взаимодействия (взаимопонимания или же, напротив взаимонепонимания) между человечеством и инопланетными цивилизациями. Они же предложили и название для дисциплины, изучающей неземных «чужих» — *ксенология*.

⁵ *Кундера М.* Бессмертие. СПб., 2004. С. 126–131. Очевидно влияние на Кундере в этом пункте французской философской и социологической мысли, в частности, Ролана Барта и Жана Бодрийера с его знаменитыми «симулякрами».

ния собственной профессиональной деятельности — притом без всяких негативных коннотаций: для них «имагология» — не более чем нейтральная технология — как анализа уже существующих в средствах коммуникации образов, так и создания образов новых.

По поводу термина «потестарный» здесь стоит заметить, пожалуй, лишь то, что его применяют в самой разной научной литературе, но охотнее и последовательнее всего он используется в этнологии и культурной антропологии. Там с его помощью описываются отношения власти в *догосударственных* обществах⁶.

Словосочетание «потестарная имагология», вынесенное в заглавие настоящего сборника, вовсе не является арифметической суммой перечисленных смыслов, числящихся за каждым из входящих в него по отдельности. Более того, значение каждого из этих слов здесь существенно отличается от приведенных выше трактовок. Так, принятое в антропологии инструментальное ограничение «потестарности» *догосударственными* отношениями для нашего случая не только бесполезно, но даже вредно. Преимущество этого слова состоит как раз в широте заложенной в нем семантики: его можно применять к отношениям власти на любом уровне развития общества — как *до* государственности, так и *после* ее возникновения, как в системе государственной власти, так и в сегментах социума, существующих так сказать, «рядом» или «помимо» государственных структур. Столь же широко следует понимать и слово «имагология» — как знание об образах самого разного свойства (о чем подробнее чуть ниже).

Из сказанного понятно уже, что «потестарная имагология» должна представлять собой дисциплину, занимающуюся изучением *образов власти*. Существует ли такая дисциплина в действительности? И да и нет. В качестве доказательства того, что она не только существует, но и процветает, можно было бы составить бесконечный список самых разнообразных публикаций, посвященных «образам власти», число которых в последнее время растет от года в год едва ли не в геометрической прогрессии. Зато против ее существования свидетельствует то, что большинство авторов таких публикаций даже не подозревают о своем «родстве»: сами они относят себя к весьма различным профессиональным ячейкам. Повышенный интерес к проблематике потестарной имагологии практически одновременно стали проявлять и «просто» историки (притом самых разных периодов и культур), и историки права, литературы и искусства, не говоря уже о социологах, политологах, теоретиках коммуникационных процессов и др. Однако при том, что сотни или даже тысячи людей разом двинулись в одном и том же направлении, каждый почему-то полагает, что шагает

⁶ См., например: Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.

в одиночку или в лучшем случае с небольшой группой близких по интересам коллег. Причина такой аберрации зрения — не в последнюю очередь как раз в отсутствии *обозначения* общего направления движения. Ведь пока вещь не названа, она не существует.

Не будучи до сих пор названной по имени, потестарная имагология присутствует в современной научной жизни анонимно и дисперсно. У нее нет пока что ясных дефиниций, ее границы со смежными дисциплинами не намечены, пределы ее возможностей не выявлены, характер методологических самоограничений не определен. Весьма затруднительно назвать научные центры, в которых потестарной имагологией занимались бы специально, зато имеется великое множество локальных, региональных, национальных и международных организаций историков, искусствоведов, литературоведов и др., для которых темы образов власти занимают если и не самое главное, то весьма важное и почетное место. Приведу пример из области, известной мне лучше других — медиевистики. В 1985 г. в Германии была основана Комиссия по изучению княжеских резиденций в Средние века и раннее Новое время, снискавшая за прошедшие двадцать лет широкое международное признание своей активностью, а главное продуктивностью. Поскольку «ключевым словом» для историков этой группы является «резиденция» или же «княжеский двор», они стараются рассматривать *все* возможные аспекты придворной жизни, включая «экономику двора», его просопографию, технологию возведения дворцов и замков, повседневную организацию придворной жизни, историю отдельных резиденций и многое иное, что не имеет прямого отношения к потестарной имагологии. Но наряду с этим они же уделяют много внимания придворному церемониалу, праздникам, ритуалам, символическим, обычаям, любым формам самоинсценирования власти хозяев «резиденций» — т. е. интересующей нас проблематике.

То же справедливо и по отношению к другим сообществам исследователей: будь то, например, два широких междисциплинарных сектора «Динамика ритуала» при Гейдельбергском университете и «Символическая коммуникация» при университете в Мюнстере, или же такие узкоспециализированные объединения, как «Дворы дома Габсбургов» при Австрийской академии наук, Society for Court Studies в Великобритании, центр Europa delle Corti в Ферраре и др. В нашей стране тоже существует похожая по тематическим интересам группа «Власть и общество», некоторые участники которой разрабатывают в своих публикациях сюжеты из области потестарной имагологии⁷. Пожалуй, лучше, чем в организационных структурах се-

⁷ Двор средневекового монарха: явление, модель, среда / Под ред. Н. А. Хачатурян. М., 2001; Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2004; Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / Под ред. Н. А. Хачатурян. М., 2006; Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Под ред. Н. А. Хачатурян. М., 2008. См.

годняшней исторической науки, «сектор» потестарной имагологии просматривается в названиях и программах международных конференций, а также темах больших выставок, состоявшихся в различных странах на протяжении последних пятнадцати-двадцати лет. Конечно же, стремительно растет и количество монографических исследований, посвященных потестарно-имагологической проблематике (не говоря уже об отдельных статьях и их тематических сборниках), хотя, повторю, авторы множества внешне очень разнообразных по сюжетам и методам публикаций редко осознают, что их исследования — часть общего и весьма мощного потока.

Из вышедшей за последние десятилетия литературы по потестарной имагологии наибольшее впечатление на историков в нашей стране произвел первый том книги Р. Уортмана «Сценарии власти»⁸. Однако соответствующая проблематика была и раньше представлена в отечественной научной литературе, в частности, в трудах т. н. тартусско-московской семиотической школы, и книга Б. А. Успенского «Царь и патриарх»⁹ может рассматриваться в качестве одного из наиболее весомых итогов развития данного направления. В «западной» части отечественной медиевистики для развития потестарной имагологии немало сделал А. Я. Гуревич — как своими работами о скандинавских конунгах, так и в еще большей степени исследованием общих оснований средневековой культуры, в частности имеющих отношение к власти. Однако классика направления возникла, как водится, за пределами России, причем вряд ли случайным совпадением стало то, что самые известные труды по потестарной имагологии появились в десятилетия между двумя мировыми войнами. Не случайно книги, выходявшие уже в 50-е гг. и даже позже очень часто в решающей степени опирались на штудии, предпринятые еще в межвоенное время или попросту следовали им. За всем разнообразием как в фактуре, так и в подходах исследователей угадывается их общий интерес к роли государственных идеологий в функционировании власти. Для медиевистов классикой стали исследования М. Блока о «королях-чудотворцах»¹⁰,

также: Искусство власти. Сборник в честь профессора Н. А. Хачатурян / Под ред. О. В. Дмитриевой. СПб., 2007.

⁸ Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. По поводу внезапного увлечения у нас этой книгой см.: Эрлих С. Е. Уортмания (восприятие идей Р. Уортмана в России) // Нестор. 2005. № 7. С. 429–442, а также: Богомолов А. И. «Сценарии власти» Ричарда Уортмана: обзор зарубежных и отечественных рецензий // Там же. С. 443–455.

⁹ Успенский Б. А. Царь и патриарх. Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.

¹⁰ Bloch M. Les rois thaumaturges. Études sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre. P., 1924 (Русский перевод: Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном

П. Э. Шрамма¹¹ и его постоянного оппонента Й. Деэра¹² о знаках и символах власти и Э. Х. Канторовича о средневековой политической метафоре¹³. У античников сходное место заняли труды А. Альфёльди¹⁴, у византинистов — О. Трайтингера¹⁵. В особую группу можно объединить исследования по иконографии государей, представленную прежде всего трудами А. Грабара¹⁶, П. Э. Шрамма и Ф. Мютерих¹⁷, Г. Ладнера¹⁸, а также серией *Das götische Herrscherbild*. Список легко может быть продолжен — здесь названы лишь те работы, что, так сказать, на слуху.

Несправедливо было бы утверждать, что интересы потестарной имагологии обращены исключительно в прошлое. Напротив, современность открывает для нее широкое поле деятельности — что также легко проиллюстрировать большим числом публикаций на соответствующие темы. Лишь в силу специфики профессиональных интересов редакторов сборника и их коллег здесь все внимание оказалось уделено «исторической» стороне потестарной имагологии, но читатель при желании легко сможет ознакомиться с ее же не менее ярко выраженной «актуальной» или

характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998).

¹¹ *Schramm P. E.* Herrschaftszeichen und Staatssymbolik. Beiträge zu ihrer Geschichte vom 3. bis zum 16. Jahrhundert. Bde. 1–3. Stuttgart, 1954 (MGH Schriften, 13).

¹² *Deér J.* Byzanz und das abendländische Herrschertum. Ausgewählte Aufsätze / Hrsg. von Peter Classen. Sigmaringen, 1977 (Vorträge und Forschungen, 21); *Idem.* Die Heilige Krone Ungarns. Wien, 1966 (Österreichische Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse. Denkschriften, 91).

¹³ *Kantorowicz E. H.* The King's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology. Princeton, 1957.

¹⁴ *Alföldi A.* Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreich. Darmstadt, 1970 (первоначально опубликовано в виде двух работ: Die Ausgestaltung des monarchischen Zeremoniells am römischen Kaiserhofe // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung. Bd. 49. 1934. S. 3–118; Insignien und Tracht der römischen Kaiser // Ibid. Bd. 50. 1935. S. 3–158).

¹⁵ *Treitinger O.* Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Vom oströmischen Staats- und Reichsgedanken. Darmstadt, 1956. (Перепечатка изданий 1938 и 1940 гг.)

¹⁶ *Grabar A.* L'empereur dans l'art byzantin. Recherches sur l'art officiel de l'empire d'orient. P., 1936. Русский перевод: *Грабар А.* Император в византийском искусстве. М., 2000.

¹⁷ *Schramm P. E., Mutherich F.* Denkmale der deutschen Könige und Kaiser. Ein Beitrag zur Herrschergeschichte von Karl dem Großen bis Friedrich II. 768 — 1250. München, 1962 (Veröffentlichungen des Zentralinstituts für Kunstgeschichte in München, 2).

¹⁸ *Ladner G. B.* Die Papstbildnisse des Altertums und des Mittelalters. Bde. 1–3. Città del Vaticano, 1941–1984 (Monumenti di antichità cristiana, 2 serie, 4).

даже «практической» стороной. Наверное, справедливо предположить, что стремительный рост числа публикаций по истории «образов власти» вызван (как это всегда бывало с новыми течениями в исторических исследованиях) актуализацией аналогичной тематики в *сегодняшнем* обществе. Не прошлое оставляет нам вопросы для изучения, а мы обращаемся к прошлому с вопросами, беспокоящими нас сейчас. Были времена, когда изучение власти (как в историческом плане, так и в плане, так сказать, актуальном) сводилось едва ли не всецело к исследованию ее правовых основ. В этом подходе мощная традиция юридических штудий, идущая еще из Средневековья, сливалась с новоевропейским рационализмом. Затем пришла пора увлечения выяснением институциональных и социальных оснований власти, ее имущественных интересов. Похоже, что сейчас наступает новая стадия, когда власть начинает занимать историка прежде всего своей образно-символической стороной. Это не означает, разумеется, что отныне мы обязаны определять сущность власти *только* через эту сторону, отрицая значимость всех остальных — институциональных, социальных, экономических, и иных ее аспектов. Однако, судя по всему, образно-символическая составляющая власти выходит сегодня на первый план.

По мере того как происходят существенные перемены в настоящем и наших ожиданиях от будущего, изменяется и наше понимание того, что именно являлось «главным» и в прошлом. Темы, представлявшие безусловно ведущими в эпоху индустриализации, урбанизации и аграрных реформ, не могут оставаться таковыми и в контексте современной — постиндустриальной и постаграрной — цивилизации. Если бы Карл Маркс писал сегодня, он, возможно, отнес бы к своему знаменитому «базису» общества не «обычное», материальное, производство, а производство информации и обмен ею. Ведь в стремительно идущей на наших глазах всеобъемлющей трансформации параметров современного мира всемирные информационные сети играют куда большую роль, чем индустрия — хотя Интернет, разумеется, не заменяет собой ни заводы, ни фермерские хозяйства. Рассмотрение власти как области, где постоянно происходит создание и пересоздание образных рядов, так же, как и их интенсивное взаимодействие между собой, должно оказаться при нынешнем состоянии всемирной цивилизации весьма продуктивным. Ведь готовность подчиняться или, напротив, бунтовать, править или же отказываться от власти определяется в конечном счете состоянием не экономики, а сознания. Сознание суммирует, обобщает импульсы, идущие и от экономики, и от всех иных сфер общественной жизни, чтобы представить итоговый «вывод» в виде некоего *образа* ситуации и возможных моделей поведения в ней. Необходимость штурмовать Бастилию летом 1789 г. не диктовалась никакими экономическими или политическими факторами. Но *образ* Бастилии у простонародья и ассоциации, с ним связанные, включали в себя в «сжатом» виде